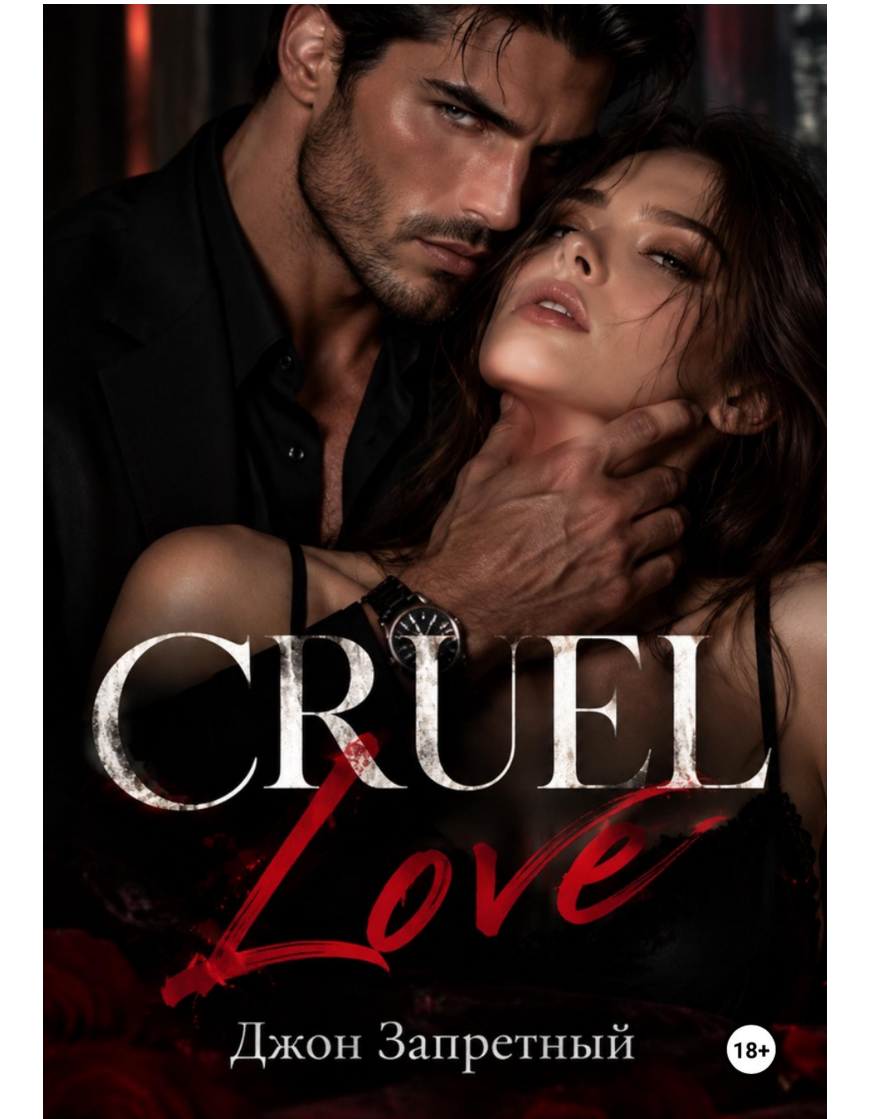


A movie poster for the film 'Cruel Love'. It features a man with a beard and a woman in a close, intimate embrace. The man is looking down at the woman with a serious expression. The woman is looking up at him. The background is dark and moody. The title 'CRUEL' is written in large, white, serif capital letters, and 'Love' is written in a red, cursive script below it. At the bottom, the Russian title 'Джон Запретный' is written in white, and a circular rating icon with '18+' is in the bottom right corner.

CRUEL

Love

Джон Запретный

18+

Джон Запретный

Cruel Love

<https://litres.ru/74616084>

SelfPub; 2026

Аннотация

Милана хоронит отца и узнаёт, что осталась должна 12 миллионов. Кредитор Глеб Раевский. Он не просит. Он приказывает: теперь она принадлежит ему. Тело. Дыхание. Каждая мысль. Он опасен, красив и не знает слова «нет». Она должна ненавидеть его. Но вместо этого желает. Сгорает. Возвращается за новой дозой боли и нежности. Это не история любви. Это история одержимости, где нет места жалости. Глеб убивает, чтобы защитить её. Милана молчит, чтобы не потерять. Они связаны кровью, сексом и страхом. Он её палач. Она его слабость. Но в этой игре нет правил. Смогут ли они выжить, когда всё вокруг рухнет? Или cruel love единственное, что останется?

При подготовке текста использовалась нейросеть DeepSeek.

Содержание

Долг	4
Сделка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джон Запретный

Cruel Love

Долг

Осень в Москве пахла мокрым асфальтом, чужими сигаретами и той особенной сыростью, которая заползает под пальто даже в октябре. Милана стояла у окна своей однушки на Автозаводской, смотрела, как дворник скребёт листья у подъезда, и держала в руке остывший чай. Она не пила. Просто грела ладони о кружку, хотя уже не чувствовала тепла.

Три дня назад похоронили отца.

Она всё ещё слышала этот звук. Не плач, не слова священника, не шорох венков. А глухой стук земли о крышку гроба. Тяжёлый, окончательный. Как точка.

На кухонном столе лежала стопка бумаг. Она перебирала их вчера ночью, потом утром, потом снова, как будто от перестановки листов мог измениться смысл. Договоры. Расписки. Уведомления. Всё с подписями отца. Всё с суммами, от которых у неё немели пальцы.

Двенадцать миллионов.

Она перечитала цифру столько раз, что она потеряла значение. Просто набор символов. Двенадцать миллионов рублей. Долг, который отец оставил после себя, как старый

шкаф, который нельзя вынести, потому что он врос в стены.

Милана отставила чашку. Взяла телефон. Экран светился четырьмя пропущенными. Два с незнакомых номеров. Один от Веры, сестры, из Питера. Один от коллектора, который звонил вчера и позавчера и говорил вежливо, почти ласково, но от этой вежливости хотелось вымыть руки.

Она не перезвонила никому.

В зеркале в прихожей отражалась девушка, которую она с трудом узнавала. Двадцать четыре года. Тёмные волосы, собранные в низкий хвост. Серые глаза, которые мать называла "дымчатыми". Бледное лицо. Чёрное платье, которое она не сняла после кладбища, а потом просто забыла, что в нём ходит. Цепочка с крестиком на шее. Мамин подарок. Единственное, что осталось.

Она провела пальцем по крестику. Маленький, серебряный, уже потёртый. Отец никогда не любил, когда она его носила. Говорил: "Сними, не позорь". Она не снимала. Назло. Теперь назло уже некому.

Телефон снова зазвонил. Незнакомый номер. Милана сбросила. Через секунду он зазвонил опять. Она выключила звук и положила телефон экраном вниз.

Работать нужно было сегодня. Клуб "Каин" не спрашивал, умер у тебя кто-то или нет. Клуб вообще мало что спрашивал. Он просто открывался в восемь вечера, и ты должна была быть там. В форме. С улыбкой. С лицом человека, у которого всё хорошо.

Милана надела пальто. Выходя, бросила взгляд на конверт, который лежал у двери. Его принесли вчера. Курьер, без имени, без подписи. Она не открыла. Потому что уже знала, что там. Ещё один счёт. Ещё одна угроза. Ещё одна причина не спать.

Она захлопнула дверь и не стала оборачиваться.

"Каин" находился в переулке за Патриаршими. Трёхэтажный особняк с фасадом цвета мокрого камня, без вывески, без окон на первом этаже. Только чёрная дверь с латунной ручкой в виде змеи. Милана всегда думала, что это слишком. Слишком театрально, слишком напоказ. Но посетителям нравилось. Они любили чувствовать себя посвящёнными.

Внутри пахло дорогим парфетом, кожей и спиртом. Приглушённый свет, тёмное дерево, бархат. Девушки в чёрных платьях, мужчины в костюмах. Всё как всегда. Милана прошла через служебный вход, кивнула охраннику, поднялась на второй этаж в раздевалку.

Там уже была Лера. Хостес, как и Милана. Двадцать шесть, рыжая, с вечной жвачкой во рту и привычкой говорить всё, что думает, даже когда не просят.

- Ты выглядишь как дерьмо, - сказала Лера без злости. Просто констатация.

- Спасибо.

- Я серьёзно. Поспала бы. Отпросилась.

Милана села на скамейку. Начала переобуваться. Туфли были новые, чёрные, на каблуке. Отец бы сказал: "Куда тебе такие, ты же не модель". Она купила их на прошлой неделе. До похорон. Тогда ещё думала, что жизнь продолжается.

- Не могу, - сказала она. - Нужны деньги.

Лера хмыкнула. Достала из сумки зеркальце, поправила помаду.

- У всех нужны. Только у тебя лицо как на поминках.

- Лер.

- Молчу.

Но не замолчала. Через минуту:

- Говорят, сегодня какой-то серьёзный гость будет. Из тех, кого без охраны не пускают. Артур сказал, чтобы все были на месте. Даже уборщица.

Милана застегнула браслет. Посмотрела на своё отражение в зеркале. Тёмные круги под глазами. Губы сухие. Она провела по ним пальцем, потом достала из сумки блеск. Нанесла. Стало не лучше, но хотя бы не так заметно.

- Пошли, - сказала Лера. - Смена начинается.

Зал на первом этаже заполнялся медленно. Осенью всегда так. Люди приходят позже, пьют больше, уходят неохотнее. Милана стояла у входа, встречала гостей, улыбалась. Улыбка была отработанная. Два года в этом клубе научили её многому. Как не смотреть в глаза слишком долго. Как не отшаваться, когда трогают за локоть. Как говорить "добрый ве-

чер" так, чтобы это звучало как приглашение, а не как одолжение.

Она не любила эту работу. Но платили хорошо. А теперь, когда отца не стало и долги легли на неё, как мокрое одеяло, она держалась за неё зубами.

К десяти вечера зал был полон. Музыка играла негромко, но настойчиво. Смех, звон бокалов, запах духов, смешанный с табаком. Милана обходила столики, проверяла, всё ли в порядке. Иногда останавливалась, отвечала на вопросы. Иногда просто стояла у колонны, смотрела на людей и думала о том, что ни один из них не знает, каково это, когда у тебя на кухне лежит бумага, где написано, что ты должна.

Она как раз возвращалась от бара, когда дверь открылась. Вообще-то, двери в "Каине" открывались постоянно. Люди входили, выходили, курили на улице, возвращались. Но эта дверь открылась иначе. Медленнее. Тяжелее. Как будто воздух в зале стал плотнее.

Милана обернулась.

Он вошёл один. Без охраны, без свиты, без той показной важности, которая обычно сопровождает людей с деньгами. Просто мужчина в тёмном пальто. Высокий. Широкие плечи. Волосы тёмные, коротко стриженные. Лицо... она не сразу поняла, что в нём было не так. Потом поняла. Он не улыбался. Вообще. Никак. Ни глазами, ни губами. Просто смотрел.

Он прошёл через зал, не глядя по сторонам. Снял пальто,

отдал его в руки охраннику, даже не обернувшись. Подошёл к барной стойке. Сел на крайний стул.

Милана не должна была подходить. У бара был свой персонал. Но ноги сами понесли её. Она не понимала, что делает. Просто шла.

Он не смотрел на неё. Смотрел на бутылки за спиной бармена. Бармен, молодой парень с татуировкой на шее, спросил:

- Что будете?

- Виски. Без льда.

Голос низкий. Спокойный. Как будто он уже тысячу раз сидел здесь и знал, что всё будет именно так.

Милана остановилась в двух шагах. Он почувствовал. Повернул голову. И посмотрел на неё.

Вот тогда она поняла, что значит "мурашки". Не от холода. Не от страха. От чего-то другого. От того, как он смотрел. Как будто знал её. Как будто уже видел её где-то. Как будто уже решил что-то про неё, и это решение было окончательным.

- Добрый вечер, - сказала она. Голос прозвучал ровно. Хорошо.

Он не ответил. Просто смотрел. Секунду. Две. Три. Потом взял бокал, который поставил перед ним бармен. Отпил. Поставил обратно.

- Ты новенькая? - спросил он.

- Нет. Два года здесь.

- Два года, - повторил он. Как будто пробовал слова на вкус. - И я тебя не видел.

- Я работаю на втором этаже. VIP.

- А сейчас?

- Заменяю.

Он кивнул. Отпил ещё. Посмотрел на её шею. На цепочку. Милана почувствовала это взглядом. Как будто он тронул её. Она не привыкла к такому. Мужчины смотрели на грудь, на ноги, на задницу. Этот смотрел на цепочку. На крестик.

- Сними, - сказал он.

- Что?

- Цепочку. Сними.

Милана моргнула. Отступила на полшага.

- Простите?

- Не прощаю, - сказал он. И улыбнулся. Впервые. Одними губами. Но улыбка была не тёплая. Скорее как у человека, который знает что-то, чего не знаешь ты. - Ладно. Не сейчас.

Он допил виски. Поставил бокал. Достал из кармана визитку. Положил на стойку. Не отдал ей в руки. Просто положил. Как будто знал, что она возьмёт.

- Хорошего вечера, - сказал он.

И ушёл. Так же, как пришёл. Не оборачиваясь. Охранник подал ему пальто, он надел его на ходу и вышел в дверь, которая закрылась за ним с мягким щелчком.

Милана стояла у бара. Смотрела на визитку. Чёрная, матовая. Только имя и номер. Никаких должностей, никаких

компаний.

Глеб Раевский.

Она взяла её. Не потому что хотела. Потому что не могла не взять.

Лера появилась рядом как из-под земли.

- Это кто был?

- Не знаю.

- Ты знаешь. У тебя лицо.

- Какое?

- Как у меня, когда я вижу торт.

Милана сунула визитку в карман платья. Не ответила. Пошла к следующему столику. Но весь вечер она чувствовала эту визитку. Она была как камешек в туфле. Маленький, но не давал покоя.

Домой она вернулась в половине третьего. Такси не взяла. Пошла пешком. Холодный воздух немного отрезвил. Голова гудела. Ноги болели. В кармане лежала визитка, и Милана уже раз десять порывалась её выбросить. Не выбросила.

Подъезд пах хлоркой и кошками. Лифт не работал. Она поднялась на пятый пешком, считая ступеньки. Двадцать три. Двадцать четыре. Двадцать пять. Дверь. Ключ. Щелчок.

Она вошла и сразу поняла, что что-то не так.

Свет она не включала. Но в квартире было светло. Из кухни. Она не оставляла свет на кухне. Точно не оставляла. Она вообще редко включала там свет, потому что лампочка пе-

регорела ещё в прошлом месяце, а новую она купить забыла.

Милана замерла в прихожей. Сердце стучало где-то в горле. Она не была трусихой. Выросла в семье, где ночью могли прийти люди и говорить с отцом на повышенных тонах. Но одно дело, когда ты ребёнок и ничего не понимаешь, и совсем другое, когда ты взрослая и понимаешь слишком хорошо.

Она сняла туфли. Медленно. Поставила сумку на пол. Прошла по коридору.

На кухне никого не было.

Свет горел. На столе лежал конверт.

Тот самый. Который она не открыла утром. Но теперь он был вскрыт. Кто-то был в её квартире. Кто-то открыл его. И оставил.

Милана стояла в дверях кухни. Смотрела на конверт. Внутри что-то было. Она видела край фотографии.

Руки дрожали. Она ненавидела, когда руки дрожали. Отец всегда говорил: "Держи руки при себе, если не можешь держать их твёрдо". Она держала. Всегда. Даже на похоронах. Даже когда гроб опускали в землю. Даже когда Вера плакала в трубку и говорила, что не может приехать, потому что билеты дорогие, а она не может бросить работу.

Милана подошла к столу. Взяла конверт. Вытряхнула содержимое.

Фотография. Чёрно-белая. Снято давно, судя по качеству. На фото двое. Отец. Молодой, лет сорока, с сигаретой в руке,

смеётся. Рядом мужчина. Моложе. Тёмные волосы. Прямой взгляд. Тот самый взгляд.

Глеб.

Они стояли рядом. Как друзья. Как партнёры. Как люди, которые знают друг о друге что-то, чего не знают остальные.

На обороте фотографии была записка. Почерк ровный, чёткий. Не мужской, но и не женский. Какой-то безликий.

"Приходи. Поговорим."

Ни адреса. Ни времени. Ни подписи. Только эти два слова.

Милана перевернула фотографию обратно. Посмотрела на отца. На его улыбку. Он никогда так не улыбался дома. Никогда. При ней. При матери. При Вере. Он был другим человеком. Человеком, который улыбается на чёрно-белых снимках рядом с женщиной, чьё имя она узнала только сегодня.

Она села на табуретку. Положила фотографию на стол. И сидела так, наверное, час. Может, больше. Смотрела на стену. На трещину в кафеле. На чайник, который так и стоял с остывшей водой.

В голове было пусто. И в то же время слишком много.

Она вспомнила, как отец в последний раз приезжал к ней. Месяц назад. Привёз апельсины, хотя она не просила. Сел на диван, посмотрел на неё странно. Долго. Потом сказал: "Если что-то случится, не лезь. Поняла? Не лезь". Она тогда не поняла. Кивнула. Он ушёл. Через три недели его не стало.

Инфаркт. Так сказали врачи. Сердце не выдержало. Ми-

лана тогда подумала: какое сердце? У него никогда не было сердца. Только расчёт. Только деньги. Только люди, которые были ему должны.

А теперь она сидела на своей кухне, с фотографией, на которой он смеялся, и понимала, что не знала его совсем. Ни капли.

Телефон в сумке завибрировал. Она не встала. Не взяла. Просто сидела.

Через минуту вибрация повторилась. Потом ещё раз. Потом затихла.

Милана взяла фотографию. Посмотрела на Глеба. На его лицо. На то, как он стоял. Как смотрел в объектив. Спокойно. Уверенно. Как человек, который знает, что фотография сохранится. Что он сохранится. Что всё будет так, как он решил.

Она перевернула снимок. Записка. "Приходи. Поговорим."

Приходи. Кто говорит "приходи", не оставив адреса? Тот, кто знает, что ты найдёшь дорогу. Тот, кто уверен, что ты придёшь.

Милана встала. Подошла к окну. Москва внизу спала. Горели фонари, ехали редкие машины. Где-то далеко, за рекой, светились окна высоток. Обычная ночь. Обычный город. Только у неё на кухне лежала фотография отца с незнакомым мужчиной, который сегодня оставил ей визитку и сказал снять цепочку.

Она достала визитку из кармана. Посмотрела на номер. Потом на фотографию. Потом снова на номер.

Приходи. Поговорим.

Она не знала, кто он. Не знала, чего он хочет. Не знала, имеет ли он отношение к долгу. Но она знала одно. Она не могла не пойти.

Потому что двенадцать миллионов не исчезнут. Потому что кредиторы не перестанут звонить. Потому что Вера в Питере, и она ничего не знает, и Милана не хотела, чтобы она когда-нибудь узнала.

Она положила визитку на стол рядом с фотографией. Две вещи. Такие разные. И такие связанные.

На часах было почти четыре. Спать она не ляжет. Просто не сможет.

Милана налила себе воды. Выпила. Посмотрела в окно ещё раз.

Завтра она позвонит. Или не позвонит. Или просто найдёт его. Она пока не решила. Но что-то внутри неё уже знало ответ. Что-то внутри неё уже сделало выбор. Ещё до того, как она успела подумать.

Она провела пальцами по крестике на шее. Маленький, тёплый от её кожи.

"Сними".

Она не сняла.

И не снимет.

Не сегодня.

Сделка

Она не спала. Ни минуты. Всю ночь просидела на кухне, смотрела на фотографию, на записку, на визитку. Часы на микроволновке мигали зелёным. Время шло, а Милана не двигалась. Только иногда брала телефон, смотрела на номер Глеба, но не звонила. Просто держала. Как будто сам факт того, что номер у неё есть, что-то менял.

К шести утра за окном начало сереть. Милана встала, приняла душ, вымыла голову. Вода была холодная, потому что горячую отключили ещё вчера. Она не поморщилась. Наоборот, холод отрезвлял. Смывал ночную тяжесть.

Она надела чёрные джинсы, свитер, кроссовки. Никаких каблуков, никакого платья. Если она идёт к нему, то не как хостес. Как человек. Как женщина, которая не собирается играть по его правилам. Хотя, если честно, она ещё не решила, что скажет. Она просто знала, что пойдёт.

Визитка лежала в кармане джинсов. Адрес был написан мелким шрифтом на обратной стороне. Она не заметила его вчера. Нашла сегодня, когда переворачивала. Улица за Курским вокзалом. Промзона. Бывшее здание типографии. Она знала это место. Проезжала мимо на автобусе. Там всегда было темно, окна заколочены, стены в граффити. Никогда бы не подумала, что внутри может быть что-то живое.

Метро в это время было полупустым. Милана стояла у

двери, держалась за поручень, смотрела на своё отражение в тёмном стекле. Бледная. Собранная. Готовая. Она не знала, к чему.

Вышла на Курской. Прошла через подземный переход, мимо торговцев с носками и чехлами для телефонов. Улица встретила её ветром и запахом мокрого бетона. Она шла вдоль забора, мимо складов, мимо гаражей. Потом свернула в переулок. И увидела.

Здание было старое. Красный кирпич, высокие окна, часть из них светилась. На первом этаже была чёрная дверь, такая же, как в клубе. Только без змеи. Просто дверь. Милана подошла. Нажала на кнопку домофона. Тишина. Потом щелчок. Дверь открылась сама.

Внутри пахло кофе и деревом. Она поднялась по лестнице. Широкая, металлическая, с перилами. На втором этаже была ещё одна дверь. Приоткрыта. Милана толкнула её.

Офис был огромный. Потолки метров пять, не меньше. Кирпичные стены, панорамные окна, выходящие на железную дорогу. Вдалеке сновали поезда, но звука не было. Стёкла были толстые, звуконепроницаемые. В центре стоял длинный стол из тёмного дерева. На нём ноутбук, чашка, какие-то бумаги. В углу диван, кожаный, потёртый. Полки с книгами. Не декоративными. Настоящими. Некоторые были зачитаны до корешков.

Глеб сидел за столом. Не смотрел на неё. Что-то печатал. На нём была чёрная рубашка, закатанные рукава. Часы на

левом запястье. Дорогие, но не вычурные. Он не поднял головы, когда она вошла. Просто сказал:

- Кофе на стойке. Налей себе.

Милана остановилась в дверях. Посмотрела на стойку. Там стояла кофемашина, чашки, сахар. Всё аккуратно, всё на своих местах. Как в рекламе.

- Я не за кофе пришла.

- Знаю, - сказал он. Всё ещё не глядя. - Всё равно налей. Разговор будет долгий.

Она не двинулась. Стояла, скрестив руки. Смотрела на него. Он был спокоен. Слишком спокоен. Как будто это не он вчера сказал ей снять цепочку. Как будто это не он оставил фотографию на её кухне. Как будто это не он был должен объяснить, какого чёрта происходит.

- Вы были в моей квартире, - сказала она.

Он поднял голову. Посмотрел на неё. Взгляд тот же. Прямой, тяжёлый. Как будто он смотрел не на неё, а внутрь. Как будто видел то, что она сама предпочитала не замечать.

- Не я.

- А кто?

- Неважно. Важно, что ты пришла.

Он отодвинул ноутбук. Встал. Он был высокий. Очень. Милана почувствовала себя маленькой. Не физически. Просто рядом с ним было меньше воздуха. Он подошёл к стойке, налил себе кофе. Вторую чашку поставил рядом. Посмотрел на неё. Ждёт.

Милана не двинулась.

- Зачем вы оставили фотографию?

- Чтобы ты поняла, что я не случайный человек.

- Я это и так поняла. Визитка, взгляд, требование снять цепочку. Вы очень старались быть загадочным.

Он улыбнулся. Одними губами. Как вчера.

- Сарказм. Хорошо. Значит, не сломалась.

- Я не собираюсь ломаться. Я пришла узнать, чего вы хотите.

Он вернулся к столу. Сел. Поставил чашку. Посмотрел на неё. Долго. Милана выдержала. Не отвела взгляд. Хотя внутри всё сжималось.

- Твой отец был мне должен, - сказал он. - Двенадцать миллионов. Ты это знаешь.

- Знаю.

- Долг перешёл к тебе. По закону. По понятиям. Как хочешь называй.

- И вы хотите его вернуть.

- Нет.

Милана моргнула.

- Что?

- Я не хочу его вернуть, - сказал он спокойно. - Я хочу его закрыть.

- Это одно и то же.

- Нет. Вернуть долг значит получить деньги. Закрывать долг значит решить вопрос. Я предлагаю второе.

Он отпил кофе. Поставил чашку. Смотрел на неё.

- Ты будешь работать на меня.

Милана рассмеялась. Коротко, без веселья.

- Я и так работаю. В клубе. Который, насколько я понимаю, ваш.

- Клуб не мой. Клуб моего партнёра. Я там появляюсь редко. И ты там больше работать не будешь.

- Простите?

- Уволишься сегодня. Напишешь заявление. Я предупрежу Артура.

- Артура? Вы... вы с ним знакомы?

- Я знаком со всеми, кто работает на меня. Или на людей, с которыми я работаю. Артур знает, кто я. И знает, что если я прошу об одолжении, лучше не задавать вопросов.

Милана стояла. Руки опустились. Она не знала, что сказать. Всё это было слишком. Слишком быстро. Слишком нагло.

- Я не буду на вас работать, - сказала она. - Я не знаю, кто вы. Я не знаю, что вы делаете. Я не знаю, чего вы от меня хотите. И я не собираюсь...

- Ты собираешься, - перебил он. Без злости. Просто факт. - Потому что иначе долг останется. А с долгом ты не проживёшь и месяца. Кредиторы не будут ждать. Они заберут квартиру. Потом приедут к Вере.

Милана замерла. Вера. Он сказал "Вера". Он знает имя её сестры.

- Не смейте...

- Я не угрожаю, - сказал он. - Я говорю как есть. Ты умная девочка. Ты сама всё понимаешь.

Он открыл ящик стола. Достал второй конверт. Положил на стол. Не отдал ей. Просто положил. Как вчера визитку.

- Посмотри.

Милана не двинулась.

- Посмотри, - повторил он. Тихо. Но в этом "посмотри" было столько веса, что она подошла. Взяла конверт. Открыла.

Фотографии. Вера. На работе. В кафе. У подъезда своего дома. С молодым человеком, который держит её за руку. Улыбается. Счастливая. Не знает, что её снимают.

Милана смотрела на фотографии. Руки дрожали. Она ненавидела это. Ненавидела, что он видит.

- Это было вчера, - сказал Глеб. - Она ничего не подозревает. И не будет. Если ты сделаешь то, что я скажу.

- Вы... - Милана подняла голову. - Вы мразь.

- Возможно.

- Вы понимаете, что это? Это шантаж. Это...

- Это сделка, - сказал он. - Я не прошу тебя убивать. Не прошу воровать. Не прошу ничего, что могло бы тебя сломать. Я прошу работать на меня. Быть рядом. Делать то, что я говорю.

- Что именно?

- Всё.

Милана бросила конверт на стол. Фотографии рассыпались. Вера. Вера. Вера. Счастливая, ничего не знающая.

- Вы sick, - сказала она. По-английски. Потому что по-русски не нашла слова, которое было бы достаточно грязным.

- Я знаю, - сказал он. И впервые в его голосе было что-то похожее на усталость. - Но я не меняюсь. И ты не уйдёшь.

Она стояла. Смотрела на него. На фотографии. На свой выбор. Которого не было.

- Если я откажусь?

- Тогда я закрою долг. Сам. И ты будешь свободна. Но Вера... Вера останется в Питере. Одна. И через месяц её навещит человек, которого я не смогу контролировать. Потому что долг уйдёт к другим людям. Хуже меня.

- Вы себя считаете хорошим?

- Нет. Я считаю себя тем, кто может тебя защитить. И Веру. Пока ты со мной.

Он встал. Обошёл стол. Подошёл к ней. Близко. Так близко, что она чувствовала запах его одеколona. Что-то древесное, горькое. Он не касался её. Просто стоял.

- Я не буду тебя трогать, если ты не захочешь, - сказал он. - Это не про секс. Это про работу. Ты будешь моим ассистентом. Будешь ездить со мной. Будешь присутствовать на встречах. Будешь знать то, что знаю я. И делать то, что я скажу.

- И всё?

- Всё.

- А если я захочу уйти?

- Тогда уйдёшь. Но Вера останется. Не потому что я буду ей угрожать. А потому что долг никуда не денется. И люди, которые придут за ним, не будут такими вежливыми, как я.

Милана смотрела на него. В его глаза. Тёмные, глубокие. Он не врал. Это было хуже всего. Он не врал. Он говорил правду. Просто правда была такой, что от неё хотелось закричать.

- Мне нужно подумать, - сказала она.

- У тебя пять минут.

- Что?

- Пять минут. Потом я уезжаю. И если ты не со мной, конверт уходит другим людям.

Она стояла. Смотрела на него. Потом на фотографии. На Веру. На её улыбку. На молодого человека, который держал её за руку. На жизнь, которую она не хотела потерять.

- Хорошо, - сказала она. Тихо. Почти шёпотом. - Я согласна.

Он кивнул. Не улыбнулся. Не сказал "молодец". Просто кивнул. Как будто ждал этого. Как будто знал.

- С этого момента ты работаешь на меня. Ты не будешь обсуждать это с кем-либо. Ты не будешь искать информацию обо мне. Ты не будешь пытаться сбежать. Если нарушишь... Вера.

- Я поняла.

- Хорошо.

Он вернулся к столу. Открыл ящик. Достал ключи. Простые, на металлическом кольце. Положил на стол перед ней.

- Что это?

- Ключи от квартиры. Ты больше не живёшь у себя.

- Что?

- Твоя квартира на Автозаводской. Там был обыск. Неофициальный. Люди, которые приходили за долгом. Они вернутся. Ты не должна быть там.

- Вы... вы были там?

- Я послал человека. Он проверил. Ты не можешь вернуть-ся.

- А вещи?

- Вещи заберут. Скажи, что нужно. Остальное купят.

Милана смотрела на ключи. Маленькие, блестящие. Символ её новой жизни. Которую она не выбирала.

- Где квартира?

- На Патриарших. Пять минут от клуба. Я буду знать, когда ты приходишь и уходишь. Не потому что слежу. Потому что там мой человек. Он будет рядом. Для твоей безопасности.

- Для моей безопасности, - повторила она. Без выражения.

- Да.

- И вы думаете, я буду чувствовать себя в безопасности, зная, что за мной следят?

- Я думаю, ты будешь чувствовать себя в безопасности, зная, что тебя не убьют. Всё остальное неважно.

Она взяла ключи. Они были холодные. Тяжёлые. Как будто в них была заключена вся её жизнь. Которая теперь принадлежала не ей.

- Когда я должна переехать?

- Сегодня.

- Сегодня?

- Через два часа за тобой приедет машина. Ты соберёшь вещи. Всё, что нужно. Остальное купят.

- Вы всё продумали.

- Да.

- Вы... вы вообще человек?

Он посмотрел на неё. И в этом взгляде было что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание. Не страх. Что-то другое. Что-то, что она не хотела называть.

- Не уверен, - сказал он. - Но рядом с тобой я чувствую себя живым. Это что-то да значит.

Он отвернулся. Сел за стол. Открыл ноутбук. Как будто разговор был закончен. Как будто она была не человеком, а пунктом в его списке дел. Который он только что выполнил.

- Иди, - сказал он. Не глядя. - Собирай вещи. Машина будет ждать.

Милана взяла ключи. Сунула в карман. Пошла к двери. У самого выхода остановилась. Обернулась.

- Глеб.

Он поднял голову. Посмотрел на неё.

- Я вас ненавижу.

- Знаю.
- И я никогда вас не прощу.
- И это знаю.
- Тогда зачем вам это?

Он откинулся в кресле. Посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

- Потому что ты единственная, кто сказал мне это в лицо. За последние пять лет. Все остальные боятся. А ты нет. Мне это нравится.

Милана вышла. Закрыла за собой дверь. Прислонилась к стене в коридоре. Закрыла глаза. Дыхание было рваным. Сердце колотилось. Она не плакала. Не могла. Просто стояла. С ключами в кармане. С фотографиями Веры в памяти. С его запахом в носу. С его словами в голове.

"Рядом с тобой я чувствую себя живым".

Она оттолкнулась от стены. Пошла вниз по лестнице. На улице шёл дождь. Мелкий, противный. Она подняла капюшон. Пошла к метро. Не оборачиваясь.

Дома её ждали сборы. Пустая квартира. Одинокaя жизнь. И ключи от новой. Которые жгли карман.

Она не знала, что будет дальше. Не знала, кто он. Не знала, чем это закончится. Но она знала одно. Она больше не одна. Даже если этот кто-то был худшим человеком на свете. Даже если он был чудовищем. Даже если он был тем, кто разрушит её жизнь.

Она всё равно не была одна.

И это было самое страшное.

Милана вернулась домой к полудню. В квартире всё было так же. Фотография на столе. Записка. Пустая чашка. Только теперь она знала, что кто-то был здесь до неё. Кто-то трогал её вещи. Кто-то смотрел на её жизнь. И этот кто-то работал на него.

Она не стала звонить Вере. Не стала ничего объяснять. Просто собрала сумку. Джинсы, свитера, бельё. Косметика. Ноутбук. Зарядки. Цепочку с крестиком она оставила на шее. Единственное, что она не отдала. Единственное, что осталось её.

В два часа дня в дверь позвонили. Она открыла. На пороге стоял мужчина. Лет сорока. В чёрной куртке, с короткой стрижкой. Не улыбался. Не представился.

- Милана?

- Да.

- Машина внизу. Я помогу с вещами.

Она отдала ему сумку. Он взял. Пошёл вниз. Она закрыла квартиру. Посмотрела на дверь. На ключи в руке. Оставила их на тумбочке в прихожей. Пусть остаются. Пусть кто-нибудь найдёт. Пусть кто-нибудь поймёт, что она ушла.

В машине было тепло. Кожаные сиденья. Запах нового. Мужчина сел за руль. Молчал. Милана смотрела в окно. Москва проплывала мимо. Знакомые улицы. Люди. Жизнь. Которая продолжалась без неё.

Квартира на Патриарших была на последнем этаже. Дом

старый, но отремонтированный. Кодовый замок. Консьерж. Лифт с зеркалом. Милана поднялась. Открыла дверь ключом.

Внутри было... красиво. Светло. Дорого. Панорамные окна. Вид на пруды. Кровать с белым постельным. Кухня с новой техникой. В шкафу висела одежда. Её размера. Её стиля. Он изучил её. Он знал, что она носит. Он знал, какую еду она любит, потому что в холодильнике было то, что она покупала себе. Обычно. Редко. Когда были деньги.

Милана закрыла шкаф. Отошла к окну. Посмотрела на воду. На уток. На людей внизу. Они жили. Они не знали, что в этом доме, на последнем этаже, стоит девушка, которая только что продала себя.

Телефон завибрировал. Сообщение. Незнакомый номер. "Осмотришься. Отдохни. Завтра в девять утра. Машина будет у подъезда. Г."

Она не ответила. Положила телефон на подоконник. Смотрела на пруд. На уток. На воду. Которая была спокойной. Как будто ничего не произошло.

Но всё произошло. Всё изменилось. Она больше не была Миланой Ковалёвой, хостес из клуба "Каин". Она была кем-то другим. Кем-то, кого она пока не знала. Кем-то, кто принадлежал ему.

Она провела пальцами по крестику. Тёплый. Родной. Мамин.

"Сними".

Она не сняла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.